ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

УДК 930.1
DOI: 10.31249/scis/2026.02.06

ИСТОРИЯ ИДЕОЛОГИИ И ПРОПАГАНДЫ КАК ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Яковлев Матвей Евгеньевич – канд. ист. наук, старший преподаватель, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия; mattyakovlev@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0444-7582

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления современной историографической ситуации и выявления тематических фокусов в изучении идеологии и пропаганды. Акцентируется специфика исследуемой темы, которая не всегда декларируется на уровне названия диссертационной работы, при том, что значительное число исследователей интерпретируют источники в контексте идеологической борьбы или конфликта нарративов пропаганды в обществе. Представлен анализ докторских диссертаций, защищенных в России в период с 2014 по 2022 г., тематика которых связана с историей идеологии и пропаганды. Установлено, что данное тематическое содержание диссертаций преимущественно отражается в исследованиях по отечественной истории Нового и Новейшего времени, при этом характер обращения к материалам Российской империи и СССР существенно различается. Показано, что изучение идеологии и пропаганды в Императорской России поляризовано между изучением русского консерватизма и контркультурных течений, при этом советский период изучается в основном в контексте построения эффективного механизма государственной пропаганды. На основе анализа статистических данных определены ключевые особенности диссертационных исследований, выполненных в рамках данного научного направления. Доказано, что обоснование актуальности темы диссертации нередко интерпретируется авторами через призму внутренней и внешней политики государства. Приводятся количественные и качественные данные числа защит диссертаций, указывающие на снижение интереса к данной проблематике к концу 2010-х гг., а также на пиковый интерес, пришедшийся на 2016–2017 гг.

Ключевые слова: наукометрия; история исторического знания; историческая наука в современной России; диссертационная культура; докторские диссертации.

Для цитирования: Яковлев М.Е. История идеологии и пропаганды как дискурс в современной отечественной историографии (на материале диссертационных исследований) // Науковедческие исследования. – 2026. – № 2. – С. 70–83. – DOI: http://www.doi.org/10.31249/scis/2026.02.06

Статья поступила в редакцию: 10.04.2026
Принята к публикации: 19.04.2026

THE HISTORY OF IDEOLOGY AND PROPAGANDA AS DISCOURSE IN CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY (BASED ON DISSERTATION RESEARCH)

Matvey E. Yakovlev – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia; mattyakovlev@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0444-7582

Abstract. The relevance of the study stems from the need to comprehend the current historiographical landscape and identify thematic focal points in the study of ideology and propaganda. The paper emphasizes the specifics of the topic under investigation, which is not always explicitly declared at the level of a dissertation's title. Nevertheless, a considerable number of researchers interpret sources in the context of ideological struggle or the conflict of propaganda narratives in society. The article presents an analysis of doctoral dissertations defended in Russia between 2014 and 2022, whose topics are related to the history of ideology and propaganda. It is established that this thematic content is predominantly reflected in studies of Russian history of the Modern and Contemporary periods, while the approach to materials from the Russian Empire and the USSR differs significantly. It is shown that the study of ideology and propaganda in Imperial Russia is polarized between research on Russian conservatism and countercultural movements. In contrast, the Soviet period is primarily examined in the context of developing an effective mechanism of state propaganda. Based on the analysis of statistical data, the key characteristics of dissertation research conducted within this scholarly field are identified. It is demonstrated that authors often frame the relevance of their dissertation topics through the lens of the state's domestic and foreign policy. The paper provides both quantitative and qualitative data on the number of dissertation defences, indicating a decline in interest in this area by the late 2010s, as well as a peak in interest observed in 2016–2017.

Keywords: scientometrics, history of historiography, historical scholarship in contemporary Russia, dissertation culture, doctoral dissertations.

For citation: Yakovlev M. E. The History of Ideology and Propaganda as Discourse in Contemporary Russian Historiography (Based on Dissertation Research) // *Naukovedcheskie issledovaniya = Science Studies*. – 2026. – N 2. – P. 70–83. – DOI: http://www.doi.org/10.31249/scis/2026.02.06

The paper was submitted: 10.04.2026
Accepted for publication: 19.04.2026

Введение

Современная историческая наука переживает масштабные трансформационные процессы. Если в классической историографии исследователи объединялись вокруг определенных периодов, регионов или явлений, вырабатывая единую систему понятий, то в современной науке фокус сместился на тематические направления, определяющие терминологический аппарат, структуру и даже проблематику исследования.

Указанная закономерность наиболее характерна для исследований отечественной истории, тогда как во всеобщей истории сохраняет свои

позиции страноведческий компонент. Примечательно, что характерным индикатором этого сдвига служат единообразные по своей структуре источники, в первую очередь диссертационные работы.

В своих предыдущих публикациях, посвященных военной истории и истории образования в современной России, автор статьи доказывал, что, при всем различии исследовательских проблем, эти субдисциплины обладают общими чертами. В рамках данного исследования необходимо уточнить исходные термины.

Идеология, согласно Большому энциклопедическому словарю, – система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности [БЭС, 2000].

Пропаганда, следуя тому же изданию, – распространение политических, философских, научных, художественных и других идей в обществе [БЭС, 2000].

Сходство в определениях этих терминов не случайное, если упростить словарные дефиниции, то идеология представляет собой систему взглядов, а пропаганда – механизм их распространения. Таким образом, пропаганда выступает необходимым условием существования идеологии и таких понятий, как менталитет или коллективные воззрения.

Государство, политические партии, общественные движения, религиозные общины и другие общественные акторы выстраивают собственную совокупность воззрений, которую транслируют посредством литературы, визуального искусства, средств массовой информации и других способов. Но при этом «история идеологии и пропаганды» представляет собой самостоятельное тематическое направление, которое следует отличать от истории политики, истории религии или истории идей. Специфика различий заключается в особом внимании к общественным нарративам и способам их распространения во всем их многообразии, поэтому фактически это не столько предмет или тип источников, сколько методологический подход, объединивший множество разноплановых исследований.

Целью исследования является анализ истории идеологии и пропаганды как направления в исторической науке с выявлением ключевых исследовательских фокусов. Подобная постановка цели представляется методологически оправданной, поскольку отвечает на актуальные запросы исторической науки. Исследование представляет собой часть рефлексии профессионального сообщества о современном состоянии и перспективах отечественной историографии. Актуальность работы обусловлена высокой значимостью идеологической проблематики в современной России.

В то же время исследование столь значимого тематического направления сопряжено с рядом методологических трудностей. Так, количественный учет публикаций, посвященных идеологии и пропаганде, представляется невыполнимой задачей из-за огромного массива ежегодно издаваемой в

России исторической литературы. Например, только по истории Великой Отечественной войны ежегодно выходит около 3000 изданий в год.

Тем не менее охарактеризовать существующие исследовательские приоритеты возможно при условии введения обоснованных ограничений по выборке источников. Наибольший интерес представляют квалификационные исследования на соискание степени доктора исторических наук, защищенные в системе ВАК (Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации). Оформление докторских диссертаций характеризуется определенным единообразием, обусловленным едиными критериями ВАК, но при этом каждая из них представляет итог глубокой многолетней исследовательской работы и может выступать маркером самостоятельного научного направления. С учетом указанных факторов в статье предпринимается попытка охарактеризовать проблему изучения идеологии и пропаганды в современной отечественной историографии на материале докторских диссертаций.

Обзор и анализ диссертаций на соискание степени доктора исторических наук, посвященных истории идеологии и пропаганды (2014–2020)

Эмпирической основой статьи послужил материал, собранный в ходе работы над кандидатской диссертацией автора, которая была защищена в 2024 г. В рамках данного исследования был проведен анализ докторских диссертаций современных отечественных историков, защищенных в период с 2014 по 2020 г. в системе ВАК – всего 305 работ. Более подробный библиометрический анализ полной выборки и методологические основания исследования представлены в тексте кандидатской диссертации автора, которая размещена в открытом доступе [Яковлев, 2024].

На основе вышеизложенного представляется возможным перейти к анализу диссертаций, посвященных исследованию идеологии и пропаганды в истории, защищенных в рассматриваемый период.

Исследованию исторических аспектов идеологии и пропаганды посвящены 40 диссертаций, что составляет 13% от общего числа защит докторских диссертаций по истории в 2014–2020 гг. Актуальность своих исследований авторы преимущественно обосновали посредством построения связи между диссертационной работой и современной политической обстановкой. Например, И. Е. Барыкина указывает, что современная Россия унаследовала от Российской империи не только министерскую систему, но и сопутствующие функционированию этой системы проблемы, касающиеся трудностей в выработке долгосрочной стратегии развития государства. [Барыкина, 2017].

Наряду с традиционным обоснованием исследований, обусловленных различными факторами внутренней политики государства, встреча-

ются и диссертационные работы, актуальность которых связана с внешнеполитическими условиями. И. А. Анфертьев в разделе, посвященном обоснованию актуальности своей работы, обращает внимание, что современное международное положение России имеет определенные сходства с геополитическими вызовами, с которым столкнулся СССР 1920–1930 гг. – экономическая блокада, попытки дестабилизации страны извне, необходимость выбора между принципиальными требованиями недружественных государств и радикальным реформированием экономики с целью предельной концентрации внутренних ресурсов в условиях изоляции [Анфертьев, 2017].

Сходная стратегия обоснования актуальности исследования у Ю. Н. Паничкина, указывающего на важность своего исследования для понимания угроз и вызовов, исходящих от Афганистана и Пакистана, для России, в особенности для ее регионов с преимущественно мусульманским населением [Паничкин, 2016].

Количественный пик защит диссертаций по истории идеологии и пропаганды приходится на 2016–2017 гг., но с 2018 г. наблюдается спад интереса к этой теме. Вероятно, сработал эффект «отложенной научной реакции» – происходящие общественно-политические события порождают научный интерес к соответствующей проблематике, однако его реализация, особенно в форме масштабных научных работ, таких как докторские диссертации, занимает значительное время.

Таким образом, количественный анализ позволяет выявить спектр проблем, актуальных для общества. Например, в современной России фиксируется значительный рост числа диссертаций по истории мусульман. Однако этот эффект не следует соотносить с конкретным годом защиты, вероятно, он отражает научную повестку по меньшей мере пятилетней давности, что позволяет понять интеллектуальный климат того времени. Пик дискуссии «нужна ли России идеология» пришелся на конец 2000-х – первую половину 2010-х гг. Именно тогда произошел переход от нарратива «построения идеологии» к конструкту «национальной идеи».

Проблематика идеологии и пропаганды интересует самых разных историков, включая античников и медиевистов. При этом идеология часто выступает не столько предметом изучения, сколько методологическим инструментом – способом анализа исторического материала. Например, две диссертационные работы по истории христианства рассматривают проблематику на стыке истории, идеологии и пропаганды. При этом исторический материал выступает естественной основой для подпитки взаимных обвинений конкурирующих вероучений. И. Е. Андронов показывает, как католики и протестанты активно использовали исторические факты для укрепления своих позиций. Ключевым моментов в этой полемике стало создание протестантской «Церковной истории центурий» из Магдебурга, что обеспечило им временное доминирование. Восстановление интеллектуального паритета потребовало от Католической церкви многолетних усилий, включая деятельность ордена иезуитов и фундаментальный труд

историка Ч. Барония. Идеологический характер этой дискуссии подчеркивает И. Е. Андронов, а его диссертация строится на тезисе, что церковная историография XVI в. сочетает в себе одновременно черты научной дисциплины и сферы идеологической борьбы [Андронов, 2016].

В. В. Василик в качестве источника использует богослужебные тексты, акцентируя их идеологический компонент. Автор отмечает, что в гимнографических памятниках происходит активный процесс взаимодействия и взаимовлияния текста и имперской идеологии. При этом даже в столь формализованной и догматической сфере, как богословие, обнаруживаются различия авторских позиций, в частности в оценке роли императорской власти. В работе встречаются и уникальные авторские метафоры [Василик, 2017].

Наибольшее внимание исследователей направлено на Новое и Новейшее время. Ключевой исследовательской проблемой является роль печатных изданий в общественной жизни Российской Империи, которой посвящены пять диссертационных работ. Так, В. В. Шевцов в работе о сибирской официальной прессе особое внимание уделяет понятию «управляемой гласности» и описывает его как сочетание высокого уровня демократизма в выборе тем и используемых подходов с возможностью власти манипулировать повесткой, искусственно усиливая обсуждение определенной темы в газетах. На практике такая модель управления средствами массовой информации резко повысила роль местных властей в функционировании прессы – демократичность конкретного губернатора влияла на содержание газет определенной губернии куда больше, чем общеимперское законодательство. Доходило до парадоксальных ситуаций, когда западники, от либералов до социалистов, настолько «обживались» в официальных газетах, что пытались добиться их приватизации, правда, безуспешно. В 1905–1906 гг. власти активно использовали прессу как орудие социальной полемики с радикалами, умеренно публикуя обращения граждан. Однако даже эта технология использовалась малоэффективно, что было связано с тяжеловесностью бюрократической машины [Шевцов, 2014].

Диссертация А. Э. Котова посвящена личности и окружению М. Н. Каткова, его влиянию на развитие русского консерватизма и консервативной печати. Автор полагает, что деятельность М. Н. Каткова в значительной степени была направлена на преодоление раскола между консерваторами разных направлений и политических взглядов, в том числе западнических. В то же время М. Н, Катков активно отстаивал собственные идеи «бюрократического национализма», используя и собственный административный ресурс. Однако молодое поколение консервативных публицистов быстро начало синтезировать его идеи с воззрениями К. Н. Леонтьева, одного из самых яростных критиков Каткова, что показало иллюзорность единства «катковского круга» [Котов, 2017].

С. В. Лёвин, анализируя земскую статистику, отмечает ее политический и информационный подтекст, связанный с недоверием земства к дан-

ным губернских статистических комитетов. Публикации государственной и земской статистики какое-то время существовали параллельно, но со временем земство доказало большую точность своих статистических данных. В итоге их данные были приняты государственной властью, например, в том числе в ходе борьбы с голодом 1891 г. Такого результата земским статистическим комитетам удалось добиться благодаря использованию более совершенных методик, что приводило к высокой точности оценок [Лёвин, 2015].

В рассматриваемых работах заметны две основные исследовательские проблемы – история русского консерватизма и история земств. В диссертации С. Г. Куликовой эти темы совпадают – работа посвящена взаимодействию консерваторов и либералов внутри земств. Исследователь убедительно доказывает, что отождествление земств с либералами – не более, чем расхожий миф, а в действительности работа земских учреждений была гораздо сложнее. Любая деятельность земств являлась плодом консенсуса между земскими консерваторами и земскими либералами, причем обе стороны исходили из собственных позиций, в значительной степени обусловленных экономически. Консерваторы были более успешными собственниками, и, в первую очередь, видели смысл своей деятельности в развитии инфраструктурных проектов и в модернизации деревни. Идеальный крестьянин для них был крепким хозяйственником в составе общины, богобоязненным и законопослушным, а превращение крестьянина в «сельского пролетария» воспринималось «как худшее из зол». Вот почему образование, по мнению консерваторов, должно было носить прежде всего практически-хозяйственный и религиозный характер. Напротив, земские либералы зачастую были гораздо менее успешными собственниками, чем консерваторы, но обладали тем же образовательным и культурным уровнем. Их отличали сплоченность, инициативность в дискуссиях, ораторское мастерство и, что особенно важно, ясное понимание собственного социального проекта, подразумевающего всесторонние реформы. В начале XX в. консервативная часть земцев ждала от власти не отказа от любых реформ, а проведения их в консервативно-модернизационном ключе. Отсутствие таких преобразований постепенно приводило консерваторов сначала к сотрудничеству с правыми либералами («октябристами»), а потом и вовсе к переходу в оппозицию [Куликова, 2020].

Сходные позиции высказывает Г. А. Ивакин. В его диссертации, посвященной черносотенцам, отмечается переход консерваторов в оппозицию с 1905 г., когда преобразования раскололи консервативную часть общества и привели к выделению черносотенцев – противников политических перемен в стране. Г. А. Ивакин отмечает, что черносотенцы обладали особыми политическими умениями – они могли поддержать левых на выборах в Думу, чтобы спровоцировать разгон ее властью. Главными врагами черносотенцы считали либералов, тогда как социалисты ими недооценивались. Кроме того, черносотенцы не поддерживали Столыпинские реформы, а основным союзником политического черносотенства выступало право-

славное духовенство. Новые реформы приводили к постепенной радикализации черносотенцев, которые все больше опирались на монархию как на единственную гарантию стабильности в государстве. Неудача их политического проекта обусловлена неверной оценкой общественных настроений – на тот момент идеологию черносотенства поддерживало меньшинство, состоявшее преимущественно из экономически малообеспеченной группы населения страны [Ивакин, 2014].

Особое направление представляют работы, посвященные исследованию политического радикализма. Диссертация О. Н. Квасова посвящена террористам Российской империи. Исследователь считает, что причиной терроризма стало отсутствие у радикалов форм легальной политической борьбы. Обращение к террористическим методам представляется О. Н. Квасову симптомом слабой позиции революционеров, которые были лишены власти и доступа к рычагу государственного управления. По мнению ученого, в начале XX в. террористические методы показали все же свою эффективность, поскольку привели к уступкам со стороны властей и способствовали началу «эпохи доверия». После 1906 г. началась новая террористическая волна, осуществляемая в основном маргиналами и политическими активистами из числа крестьян. Их деятельность была направлена на «оживление» революции 1905 г., но потерпела неудачу. Террористы постепенно обособились от «родных» партий и быстро криминализировались, радикальная политическая риторика стала для них исключительно поводом к совершению преступлений, что выражалось, например, в уменьшении числа государственных служащих среди жертв нападений. Уникальность терроризма в ряду методов политической борьбы радикалов О. Н. Квасов видит в том, что это единственный метод, на который власть не может не отреагировать [Квасов, 2016].

Работа О. С. Сафронова посвящена идеологии русского анархизма в трудах М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина. Автор анализирует модель общественного развития, разработанную Бакуниным. Данная концепция отличается модернизационным и стадиальным характером – согласно Бакунину, цивилизация проходит стадии «естественного рабства», «религиозного рабства», «экономической эксплуатации», чтобы в итоге прийти к «социализму». Идеалистическая основа взглядов Бакунина сохранилась в течение всей жизни – смысл истории он видел в неуклонном следовании человечества к свободе, а движущую силу – в массах. Однако поздний Бакунин не был уже чистым идеалистом, в свою теорию от позитивистов он принял и интегрировал принцип многофакторности, например, географический и экономический детерминизм.

Вторая ключевая фигура в исследовании О. С. Сафронова – П. А. Кропоткин, чьи взгляды претерпели значительную эволюцию. Молодой П. А. Кропоткин начинал как последователь М. А. Бакунина, но постепенно пришел к собственной идее анархо-коммунизма, а потом и к концепции «анархистских очагов культуры». В зрелом возрасте

П. А. Кропоткин расходился с М. А. Бакуниным в оценке первобытности. Для М. А. Бакунина первобытность – это эпоха рабства, а П. А. Кропоткин считал ее пиком общественного развития. Такая самобытность концепций анархистов приводила их к неожиданным союзникам – так, по некоторым вопросам М. А. Бакунин консолидировался со славянофилом И. С. Аксаковым. [Сафронов, 2015].

Диссертация Л. А. Шайпака посвящена пропаганде политических партий в российской армии в предреволюционную эпоху. Автор утверждает, что самыми успешными в этой сфере деятельности были меньшевики, добившиеся поддержки представителей всех сословий. При этом большевики, по мнению Л. А. Шайпака, оказались успешны как разрушители в отсутствие какого-либо ответа социалистов на их явно агрессивные действия. Большевикам удалось дезорганизовать промышленное производство, развалить армию, а потом и вовсе захватить власть. Кроме того, Л. А. Шайпак связывает победу большевиков с радикализацией большей части населения страны, требовавшей решения земельного вопроса за счет немедленного передела собственности. Автор акцентирует, что либералы в 1917 г. оказались неспособны к управлению страной, поскольку их партии были более ориентированы на полемику, а не на практическое управление. Пропаганда эсеров и меньшевиков в армии была направлена на втягивание солдат в политическую борьбу, что оказалось эффективным, но способствовало дезорганизации армии. Л. А. Шайпак выделяет так называемые «уроки истории», направленные лидерам российских партий, и представляющие собой призыв к следованию «общечеловеческим ценностям», политике дела, а не слов, а таже утверждению плюрализма и деполитизации армии, особенно в части ее отстранения от коммунистической пропаганды [Шайпак, 2016].

Особый блок диссертаций составляют исследования, посвященные советской идеологии и пропаганде. Диссертация Ф. Л. Синицына посвящена сравнению советской и германской пропаганды, направленной на население СССР в ходе Великой Отечественной войны. В начале войны советская власть скорее делала акцент на идеи единства советского народа, взаимосвязи этносов. Автор утверждает, что позже СССР перешел к идее особой роли русского народа, антигерманизму и, даже, религиозным идеям. Напротив, германская пропаганда изначально была построена на манипулятивных посылах. «Нерусским народам» и другим конфессиональным группам обещались «освобождение» от коммунистов и свобода вероисповедания, однако за лозунгами скрывалась насаждаемая русофобия. Немецкие обещания не соответствовали намерениям Третьего Рейха, что привело к снижению эффективности германской пропаганды. В начале Великой Отечественной войны она была эффективна, однако эффект снижался по мере того, как проявлялось значительное различие между декларируемым и реальным отношением к местному населению и религиозным объектам, а также систематическое невыполнение обещаний

(например, по созданию автономий). В основном немецкой пропаганде русофобии поддались национал-сепаратисты из Прибалтики и на Западной Украины. В конце диссертации Ф. Л. Синицын приводит «исторические уроки» – например, подчеркивает важность проблем национальности и религии для эффективного функционирования пропаганды. В то же время историк отмечает важность идеи единства и взаимопомощи народов [Синицын, 2017].

Работа Н. В. Шалаевой посвящена советской пропаганде 20-х гг. XX века. В диссертации выделяется связь между неграмотностью населения и визуальным, а не текстовым характером пропагандистских материалов (плакаты, скульптуры, праздники, театр). Другим направлением, помимо визуальной пропаганды, было развитие самодеятельности, через которую в обществе пытались выработать чувство сопричастности революционным событиям. На начальном этапе развития советского общества, по мнению Н. В. Шалаевой, советской пропаганде не была характерна персонализация власти, изображаемой чаще в образе рабочего, красноармейца, крестьянина – лишь позднее эти образы были частично вытеснены образом В. И. Ленина [Шалаева, 2015].

Подводя итоги, можно утверждать, что история идеологии и пропаганды была и остается значимым исследовательским направлением для отечественных историков. В то же время в чистом виде эта проблематика выражена в основном у специалистов по Новому и Новейшему времени. Для античников и медиевистов же она представляет скорее методологический инструмент, способ восприятия материала, чем конкретное проблемное поле. Более того, в идеологическом ключе может быть воспринята даже церковная полемика позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Характеризуя историю идеологии и пропаганды как тематическое направление, можно выделить следующие черты этой группы исследований:

Нарративизм. Ученые, изучающие идеологию и пропаганду, особое внимание уделяют функционированию общественных нарративов и формам их трансляции. Даже в работе о земских статистических комитетах четко выделяется общественная роль этих комитетов, их место в общественной полемике. Чаще всего общество понимается исследователями идеологии и пропаганды как пространство для полемики представителей различных идей, распространяющих конкурирующие нарративы. Данные статистики, научные труды, богословские сочинения могут выступать способом создания аргументов для этих нарративов.

Просопографизм. Исследователи идеологии и пропаганды активно прибегают к выделению общественных групп на основании общности их занятий, воззрений, знакомств и др. Например, понятия «земские консерваторы» или «земские либералы», «публицисты круга Каткова» и др. Очевидно, что эти группы являются историографическими конструктами, при этом отнесение той или иной персоналии к ним – решение историка, во многом обусловленное сутью тематического направления, поскольку изу-

чение идеологии требует выделения ее последователей даже в отсутствие явных институциональных маркеров. Иногда просопографизм опирается на конкретные данные (например, членство в черносотенных организациях), подтверждающие приверженность личности определенной идеологии, но даже в отсутствие таких маркеров историки создают их на основе авторских критериев.

Презентизм. Авторы в основном предпочитают косвенно привязывать предмет своих исследований к событиям настоящего времени. Иногда это выражается только в разделе диссертации «актуальность», но иногда принимает и форму «уроков истории», рекомендаций конкретному адресату, не имеющих отношений к науке (как правило, государству или, например, современным политикам).

Семиотизм и расширение традиционных представлений об идеологии. На первый взгляд, понятие идеологии прочно ассоциируется в отечественном культурном дискурсе с советским периодом и выступает как синоним партийности. Однако в действительности воззрения современных историков на идеологию и пропаганду, по всей видимости, ушли далеко от марксизма и находятся гораздо ближе к постмодернистскому пониманию «мира как текста». Такой взгляд позволяет вывести понятие идеологии из пространства политической борьбы XIX–XX вв. и традиционных оппозиций (напр. «идеология» – «наука»), чтобы применять его практически к любому типу источников, созданных на основе определенных типов знаковых систем, транслирующих культурный смысл. Для современного историка такие определения, как «идеология готического собора», «идеология римского культа» или даже «идеология русского пряника», – это не бессмыслица и неправильное применение термина, а указание на методику исследования. Историк середины XX в. мог бы с настороженностью отнестись к поиску идеологии в богослужебной книге, но в современной ситуации такой дискурс вполне возможен.

Почти все эти характеристики массово распространились в науке в работах постструктуралистов, и особенно постмодернистов. В исторической науке «постмодернизм» приобрел негативную коннотацию, отчасти это было вызвано двоякой репутацией школы так называемого «исторического постмодернизма» (Уайт, Анкерсмит и др.), которая придерживалась позиций крайнего релятивизма в отношении фактов.

При этом влияние постмодернизма на историческую науку можно считать в значительной степени недооцененным, поскольку оно затронуло не столько предмет исследования, сколько саму интеллектуальную основу – сам образ мышления историков. Более того, указанные явления характерны не только для докторских диссертаций – их можно обнаружить в самых разных типах научных текстов.

Возможно, уместно поставить вопрос – почему мы так внимательно анализируем нарративы и знаковые системы и склонны характеризовать исторические персоналии в зависимости от их позиции по отношению к

тому или иному нарративу? Однако гипотеза исследования о таком влиянии, безусловно, требует отдельного и более подробного исследования.

Вышеназванные отличительные черты тематической группы одновременно представляют собой ее уязвимые места. В статье подробно не разбирались диссертации по истории идеологии и пропаганды, защищенные по специальности «всеобщая история», но уместно привести один казус – В. Л. Портных, подробно разбиравший в докторской диссертации идеологию крестоносцев, активно применял в ходе анализа советизмы, например, «генеральная линия партии», что вызвало резкие возражения со стороны ведущей организации. Этот казус разбирался в другой моей статье, но в данном случае он показателен, поскольку указывает на формирующийся характер тематической группы. В советской науке термин «идеология» имел совершенно иные значения и коннотации, остатки этих значений и коннотаций могут проникнуть даже в докторские диссертации по медиевистике. Кроме того, исследовательский метод изучения идеологии и пропаганды еще до конца не выкристаллизовался, поэтому отдельные его элементы могут оставаться спорными для историков, в особенности для тех, чей научный интерес сформировался в рамках иной парадигмы, что повлияло на их представления о допустимом и недопустимом в научном тексте.

По отдельности диссертации по истории идеологии и пропаганды не всегда могут свидетельствовать о переменах в науке в целом, поскольку элементы авторской стратегии могут восприниматься как субъективные. Только анализ большой выборки позволяет историографу делать обоснованные выводы о протекающих тенденциях. И в данном случае эти перемены становятся заметными.

Список литературы

Андронов И.Е. Межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI века: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 2016. – 467 с.

Анфертьев И.А. РКП(б)-ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: программы преобразований и борьба за власть: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2019. – 789 с.

Барыкина И.Е. Государственное управление Российской империи второй половины XIX в. (особые формы и специальные институты): дис. … д-ра ист. 07.00.02 : СПб., 2017. – 457 с.

Большой энциклопедический словарь. Издание 2-е. М, Большая Российская энциклопедия, 2000. –1456 с.

Василик В.В. Отражение жизни Церкви и Империи в памятниках византийской гимнографии: дис. … д-ра ист. наук.: 24.00.01. СПб., 2017 – 672 с.

Ивакин Г.А. Черносотенство в политической системе Российской империи начала XX века: дис. … д-ра ист. наук.: 07.00.02. М., 2014. – 516 с.

Квасов О.Н. Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. … д-ра ист. наук.: 07.00.02. Воронеж, 2016. – 513 с.

Куликова С.Г. Консерваторы и земство: социально-экономическая деятельность. 1864–1914 гг.: на материалах Тверской и Московской губерний: дис. … д-ра ист. наук.: 07.00.02. М, 2020. – 730 с.

Котов А.Э. Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М.Н. Катков и его окружение: дис. … д-ра ист. наук.: 07.00.02. СПб., 2017. – 680 с.

Левин С.В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье (1882–1917 гг.): дис. … д-ра ист. наук.: 07.00.02. Саратов, 2015. – 604 с.

Паничкин Ю.Н. Пакистано-афганские отношения: эволюция, проблемы, решения. 1947–2014 гг. : дис… д-ра ист. наук. 07.00.15. М., 2016. – 511 с.

Сафронов О.С. Проблемы эволюции общества и государства в идеологии русского анархизма (М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин): дис. … 07.00.02. Тамбов, 2015. – 463 с.

Синицын Ф.Л. Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР: национальный и религиозный аспекты": дис. … д-ра ист. наук.: 07.00.02. М., 2017. – 548 с.

Шайпак Л.А. Борьба политических партий России за армию в начале XX века (на материалах Среднего Поволжья): дис. … д-ра ист. наук.: 07.00.02. Чебоксары, 2016. – 532 с.

Шалаева Н.В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е гг.: социокультурный аспект: дис. … 24.00.01. Саратов, 2015. – 445 с.

Шевцов В.В. Формирование и развитие губернской официальной прессы Сибири во второй половине XIX – начале XX века: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. Томск, 2014. – 592 с.

Яковлев М.Е. Диссертационная культура в работах российских историков (2014-2020 гг.) : дис. … канд. ист. наук: 5.6.5. М, 2024. – 305 с.

References

Andronov, I.E. (2016). *Interconfessional polemics in Western European church historiography of the 16th century.* [Doctoral dissertation (History), Specialty 07.00.09]. 467 p. (In Russ.)

Anfertiev, I.A. (2019). *The RCP(b)–VKP(b) and the modernization of the RSFSR/USSR in the 1920s–1930s: Programs of transformation and the struggle for power.* [Doctoral dissertation (History), Specialty 07.00.02 “National History”]. Moscow, 789 p. (In Russ.)

Barykina, I.E. (2017). *Public administration in the Russian Empire in the second half of the 19th century (special forms and institutions).* [Doctoral dissertation (History), Specialty 07.00.02 “National History”.] St. Petersburg, 457 p. Retrieved from: https://search.rsl.ru/ru/record/01008583239 (In Russ.)

Bolshoi entsiklopedicheskii slovar’ [Great Encyclopedic Dictionary] (2000). 2nd ed. Moscow: Bolshaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1456 p. (In Russ.)

Ivakin, G.A. (2014). *The Black Hundreds in the political system of the Russian Empire in the early 20th century.* [Doctoral dissertation (History), Specialty 07.00.02.] Moscow, 516 p. (In Russ.)

Kotov, A.E. (2017). *Conservative press in the socio-political life of Russia in the 1860s–1890s: M.N. Katkov and his circle.* [Doctoral dissertation (History), Specialty 07.00.02.] St. Petersburg, 680 p. (In Russ.)

Kulikova, S.G. (2020). *Conservatives and zemstvo: Socio-economic activities, 1864–1914 (based on materials from Tver and Moscow provinces).* [Doctoral dissertation (History), Specialty 07.00.02]. Moscow, 730 p. Retrieved from: (In Russ.)

Kvasov, O.N. (2016). *Terrorism in the Russian revolutionary movement (second half of the 19th – early 20th century).* [Doctoral dissertation (History), Specialty 07.00.02]. Voronezh, 513 p. (In Russ.)

Levin, S.V. (2015). *The formation and development of zemstvo statistics in the Volga region (1882–1917).* [Doctoral dissertation (History), Specialty 07.00.02]. Saratov, 604 p. (In Russ.)

Panichkin, Yu. N. (2016). *Pakistan–Afghanistan relations: Evolution, problems, and solutions (1947–2014).* [Doctoral dissertation (History), Specialty 07.00.15 "History of international relations and foreign policy"]. Moscow, 511 p. (In Russ.)

Safronov, O.S. (2015). *Problems of the evolution of society and the state in the ideology of Russian anarchism (M.A. Bakunin and P.A. Kropotkin).* [Doctoral dissertation (History), Specialty 07.00.02]. Tambov, 463 p. (In Russ.)

Shaipak, L.A. (2016). *The struggle of Russian political parties for the army in the early 20th century (based on materials from the Middle Volga region).* [Doctoral dissertation (History), Specialty 07.00.02]. Cheboksary, 532 p. (In Russ.)

Shalaeva, N.V. (2015). *The formation of the image of Soviet power in Russian society in the 1917–1920s: Socio-cultural aspect.* [Doctoral dissertation (History), Specialty 24.00.01]. Saratov, 445 p. (In Russ.)

Shevtsov, V.V. (2014). *The formation and development of provincial official press in Siberia in the second half of the 19th – early 20th century.* [Doctoral dissertation (History), Specialty 07.00.02]. Tomsk, 592 p. (In Russ.)

Sinitsyn, F.L. (2017). *Soviet–German ideological confrontation in the occupied territory of the USSR: National and religious aspects.* Doctoral dissertation (History), Specialty 07.00.02, 548 p. (In Russ.)

Vasilik, V.V. (2017). *The reflection of the life of the Church and the Empire in the monuments of Byzantine hymnography.* [Doctoral dissertation (History), Specialty 24.00.01]. St. Petersburg, 672 p. (In Russ.)

Yakovlev, M.E. (2024). *Dissertation culture in the works of Russian historians (2014–2020).* Candidate dissertation (History), specialty 5.6.5 "Historiography, source studies, and methods of historical research". Moscow, 305 p. (In Russ.)